

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.15583

EDN: GAFEEM

Иранский исторический роман первой половины XX в.: генезис и поэтика жанра

А. Н. Ардашникова^{1✉}, Т. А. Коняшкина²

^{1,2} *Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(г. Москва, Российская Федерация)*

¹ e-mail: anardash@mail.ru✉

² e-mail: tamara_mgu@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрено становление новых жанров в прозе Ирана первой половины XX в., не имевших аналогов в прошлом страны и определяющих вектор ее развития вплоть до настоящего времени. Этот процесс продемонстрирован на анализе основных произведений основоположника иранской исторической романистики Сан'ати-заде Кермани. Научная новизна представленного исследования обусловлена отсутствием в иранистике специальных работ, посвященных как проблеме зарождения иранского исторического романа, так и его конкретным творческим воплощениям. Вне поля зрения специалистов остались и социокультурные импульсы, вызвавшие к жизни в этот период кардинальную перестройку всей литературной системы на персидском языке. В статье продемонстрирована взаимосвязь политического обновления иранского общества и появления нового исторического нарратива, отвечающего общественному запросу. Выявленное сочетание в генезисе жанра исторического романа двух составляющих — собственной средневековой традиции повествовательной прозы (дастан) и заимствованной европейской романтической представляет собой региональный вариант процесса формирования литературы Востока в новейшее время.

Ключевые слова: новая иранская проза, жанровая система, исторический роман, Сан'ати-заде Кермани, проблематика, поэтика жанра, дастан, европейское влияние, модернизация, идеология, Реза-шах Пехлеви

Для цитирования: Ардашникова А. Н., Коняшкина Т. А. Иранский исторический роман первой половины XX в.: генезис и поэтика жанра // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 3. С. 309–328. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15583. EDN: GAFEEM

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.15583

EDN: GAFEEM

The Iranian Historical Novel of the First Half of the 20th Century: the Genesis and Poetics of the Genre

Anna N. Ardashnikova^{1✉}, Tamara A. Konyashkina²

^{1,2} *Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)*

¹ e-mail: anardash@mail.ru✉

² e-mail: tamara_mgu@mail.ru

Abstract. In this study, the authors examine the emergence of new genres in early 20th century Iranian prose, which had no analogues in the past and still determine the vector of literary development. The works of the founder of Iranian historical novel San'ati-zadeh Kermani form the source base of the study and clearly illustrate this process. The absence of special works on both the problem of Iranian historical novel genesis and its specific creative embodiments define the scientific novelty of the research. The socio-cultural impulses that gave rise to a radical restructuring of the entire literary system in the Persian language during this period has also remained unnoticed by specialists. The study reveals a correlation between the political renewal of Iranian society and the emergence of a new historical narrative that meets the public demand. The combination of two components in the genesis of Iranian historical novel — national medieval tradition of narrative prose (dastan) and adopted European tradition (historical novels of adventure) is a regional variant of modern formation of Eastern literatures.

Keywords: new Iranian prose, genre system, historical novel, San'ati-zadeh Kermani, problematics, genre poetics, dastan, European influence, modernization, ideology, Reza Shah Pahlavi

For citation: Ardashnikova A. N., Konyashkina T. A. The Iranian Historical Novel of the First Half of the 20th Century: the Genesis and Poetics of the Genre. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2025, vol. 23, no. 3, pp. 309–328. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15583. EDN: GAFEEM (In Russ.)

«Преданья старины далекой» как часть современности

Зарождение жанра исторического романа в Иране тесно связано со временем глубоких и болезненных потрясений иранского общества в первой четверти XX в. Конституционная революция 1905–1911 гг., вызвавшая необычайный общественный подъем, породила вакуум власти в стране (см.: [Bayat]), а Первая мировая война подвела Иран к опасной черте политической фрагментации.

Необходимость выхода из хаоса послевоенного времени сформировала общественный запрос на сильную личность, которая опиралась бы на принципы национальной сплоченности. Роль спасителя отечества, ориентированного на построение суверенного Ирана, принял на себя полковник Реза-хан Савадкухи (1878–1944), благодаря счастливому случаю вовлеченный в перипетии большой политики. За четыре года он сумел пройти путь от полкового командира, возглавившего государственный переворот 1921 г., до военного министра, потом премьера, а в 1925 г. был коронован как шах Ирана с тронным именем Пехлеви (см.: [The Making of Modern Iran]).

Своим стремительным возвышением он обязан поддержке группы реформаторов, объединившихся в партию «Обновление» (*Таджаддод*). Сотрудничество будущего монарха и сторонников модернизации началось в 1921 г. на базе камерной инициативной группы «Общество национального наследия» (*Анджоман-е асар-е мелли*) (см.: [Grigor]), игравшей роль идеологического сопровождения и в дальнейшем на всех этапах политической биографии Реза-шаха.

Не имевшее официального государственного статуса общество, в которое входили европейски образованные лица из ближнего круга правителя, разрабатывало и осуществляло культурно-идеологическую политику режима. Из этого круга вышли первые авторы исторических работ, легших в основу учебников по истории Ирана для школ и высших учебных заведений. Своей основной задачей «обновители» считали пробуждение коллективной памяти через новый культурный код, истоком которого виделись доисламские времена, когда Иран (вернее, *Арьяна ваяджа* — земля ариев, как единый наследственный дом современных иранцев вместе с Грецией

и Римом) выступал в роли создателя мировой, то есть европейской цивилизации.

Новый взгляд на собственную историю, названный впоследствии «арийским и неоахеменидским национализмом» [Bausani: 46], предполагал использование всех имеющихся в наличии у власти средств пропаганды, с широким привлечением деятелей науки и искусства. В ее арсенале находился и новый архитектурный облик столицы, основанный на использовании фигуративной скульптуры, реплик барельефов дворцового комплекса Персеполя¹ и зороастрийской² символики, которые были вынесены на фасады зданий как зримое свидетельство имперской реинтерпретации исторического прошлого (см. об этом: [Ардашникова, Коняшкина]).

В 1920–1930 гг. выраженный идеологический подтекст обретают также археологические изыскания и реставрационные работы. Артефакт отныне становился не только символом и материальным воплощением жизнеспособности иранской монархии, но и новой точкой отсчета исторического времени, в отличие от принятой в течение веков исламской хронологии. Лично курировавший археологические работы Реза-шах несколько раз посещал Персеполь и встречался с Эрнстом Херцфельдом³, активно сотрудничавшим с иранским правительством. Широкое освещение в мировой прессе проведения раскопок древней столицы звучало вдохновляюще для иранского общества.

Притягательность такого видения собственной истории не могла оставить равнодушной и значительную часть творческой интеллигенции страны. Ее усилиями созидался новый исторический герой, который должен был потеснить деятелей священной истории ислама. Исторический роман стал первым жанром художественной прозы, который привлек в этот период большую читательскую аудиторию.

¹ Первая столица древней иранской империи Ахеменидов (VII–IV вв. до н. э.).

² Зороастризм — исконно иранская религия доисламского периода.

³ Эрнст Херцфельд (1879–1948) — известный немецкий востоковед и археолог. С 1903 г. активно участвовал в полевых археологических исследованиях на Ближнем и Среднем Востоке.

Считается, что единичные образцы сочинений на исторические темы появлялись еще в период конституционной революции. Однако это, скорее, произведения откровенно приключенческого жанра с персонажами в условных исторических масках. В их основе чаще всего вневременная любовная интрига, лишь формально помещенная в прошлое. Ярким примером такого рода является «Шамс и Тогра» (1910) пера каджарского принца Мухаммада Мирзы Багера Хосрови (см. об этом: [Март]).

Взлет исторической романистики в Иране пришелся на 1920-е гг., когда появились десятки подобных произведений, отражающих проблемы становления жанра: любовно-приключенческий сюжет механистически соединен в них с «археологическими» описаниями фона, перегруженного датами и фактами как сухой текст учебника.

Авторы первых иранских произведений на историческую тематику находились под сильным влиянием двух разнородных факторов — собственной традиции и переводной европейской литературы, что характерно и для подавляющего большинства литератур Востока. При полном преобладании в литературном комплексе на персидском языке вплоть до XIX в. поэзии, в нем имелась единственная крупная повествовательная форма в прозе — народный роман (дастан), который, существуя в течение веков изустно, впоследствии подвергся письменной фиксации и стилистической обработке.

Дастаны как произведения срединной прозы, или, по определению иранских специалистов, «простонародной литературы» (*адабийат-е амийане*), хорошо известны по первым литографированным изданиям XIX в. Они формировали читательский рынок и воспитывали вкус к подобным текстам. Сюжет дастана как образца массовой литературы, ориентированной на непритязательную аудиторию, был занимательным и строился на сочетании героических, любовных и авантюрных коллизий с непременно участием традиционных персонажей, восходящих к эпическим сказаниям. Первые иранские романы часто воспроизводят привычные повествовательные схемы, пришедшие из дастана, поэтому для востоковеда совершенно закономерным выглядит терминологический ряд, который

использовался в Иране даже в середине XX в. при жанровой атрибуции современных произведений: «дастан» и «короткий дастан» применительно к роману и рассказу. Одновременно первые иранские прозаики XX в. выступают и как последователи европейской школы, восприняв умение выстраивать цельный сюжет и использовать присущие жанру нарративные стратегии, образно-мотивную систему раскрытия персонажей и новые художественные средства⁴.

Авторы исторических произведений начала XX в., делая ставку на приключенческий колорит, видели свою задачу прежде всего как просветительскую, о чем недвусмысленно заявил Хасан-хан Бади Нусрат ал-Возара в предисловии к своему роману «Повесть о древности, или Жизнеописание Куруша»: «Это напомнит нам о былом величии и могуществе Ирана, воскресит в нас нашу гордость и честь и тем умножит наш патриотизм и любовь к своему народу»⁵.

Этот пафос объединяет романы начала XX в. Шейха Мусы Натри «Любовь и власть, или Победы Кира Великого» и «Приключения вавилонской принцессы», «Шахрбану» Рахим-заде Сафави, «Жестокость Туркан-ханум» Хейдара Али Кемали и др.

История, ставшая романом

«Иранским В. Скоттом», или отцом исторического романа, смело может быть назван Абд ал-Хусейн Сан'ати-заде Кермани (1895–1973), для которого синтез традиционного и нового стал залогом создания подлинно художественных произведений. Расцвет творчества писателя пришелся на 1920–1940-е гг., а последний роман появился годы спустя (в 1957 г.). Признанный классик жанра, Сан'ати-заде, подобно многим деятелям культуры того времени, был поставлен перед выбором: «государева служба» или творчество, — но с успехом совмещал эти два поприща.

⁴ О взаимодействии литератур Востока и Запада см.: [Взаимодействие культур], [Гринцер], [Историческая поэтика], [Конрад].

⁵ Бади Нусрат ал-Возара Х. Древняя повесть, или Жизнеописание Куруша. Тегеран, 1920. С. 2. (на перс. яз.). Здесь и далее все переводы с персидского языка сделаны авторами статьи.

Нужно отдать должное смелости творческого замысла Сан'ати-заде Кермани, который видел своей задачей развернуть перед читателем широкую панораму иранской истории в тот период, когда ее научное освоение в Иране только началось. На страницах его произведений оживают реально существовавшие пророки, правители и вожди народных движений разных эпох, заявленные в двух ипостасях — как герои, носители высших проявлений национального духа, и как обычные люди, которым не чужды человеческие слабости и даже пороки. Ограниченность научных изысканий компенсировалась большим простором для авторской свободы в интерпретации исторических событий. Баланс достоверного факта и вымысла, звучащий убедительно и интересно, — неизбывная проблема любого исторического романиста, на стадии становления жанра однозначно решаемая в пользу последнего.

Действие первого романа Сан'ати-заде «Расставляющие сети, или Мстители за Маздака» (1920–1925)⁶ разворачивается в период крушения державы Сасанидов⁷ под ударами воинов ислама. Немалую роль в расшатывании основ иранского государства сыграло и мощное социально-религиозное движение последователей жреца Маздака (V — начало VI в.), поставившее власть перед непростым выбором: поддержать маздакитов, используя их в своих политических целях, или объявить им войну. Арабское завоевание и восстание маздакитов — два реальных, но разновременных исторических пласта — авторской волей спрессованы воедино, что формирует у читателя представление о глубоком кризисе власти в империи. Такая подача материала отвечает замыслу создания панорамного исторического полотна, претендующего на достоверность⁸,

⁶ Сан'ати-заде Кермани А. Расставляющие сети, или Мстители за Маздака. Тегеран, 1925. Т. 1, 2 (на перс. яз.). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Сан'ати-заде, 1925* и указанием тома и страницы в круглых скобках.

⁷ Сасаниды — иранская династия, правившая в III–VII вв.

⁸ В соответствии с действительным ходом событий описывается, например, в романе одно из сражений на берегах Евфрата, когда в авангарде иранского войска были выставлены боевые слоны, внесшие сумятицу в ряды мусульман: «Лошади арабов, напуганные слонами, начали шархаться из стороны в сторону» (*Сан'ати-заде, 1925*; т. 2: 45). Достоверно описан ход решающей битвы при Кадиссии, в которой были разбиты

но не лишённого острой интриги в авантюрно-приключенческом духе. Собственно, роман и выстраивается на взаимодействии этих двух принципов развития сюжета.

Роман открывает прибытие в 634 г. в сасанидскую столицу Ктесифон⁹ посланца арабского халифа¹⁰ с требованием к шаху Йездигерду принять ислам. Осведомленный о военных успехах арабов, шах встревожен. Удрученное состояние правителя усугубляет известие о том, что его сын и наследник Хормозан вместе с первым министром Аядом участвуют в заговоре против него. Не доверявший своему окружению с начала правления, Йездигерд возвел во дворце тайные покои, где он мог не опасаться за свою жизнь, и для сохранения секрета об убежище умертвил его строителей. Один из них — Махой — чудом остался в живых и поклялся отомстить Йездигерду и уничтожить его род. Узнав, что его умирающий в тюрьме отец долгое время возглавлял маздакитское движение и завещал сыну продолжить его дело, Махой укрепляется в своей решимости свершить возмездие и становится новым главой этого тайного сообщества.

Тем временем арабское войско вторгается в Иран и после первых военных неудач одерживает ряд решительных побед, овладевает сасанидской столицей и начинает продвигаться на восток империи, следуя за бегущим вглубь страны шахом. В числе преследователей Йездигерда и жаждущий мести Махой, который убивает последнего Сасанида, однако и сам погибает от руки шахского слуги.

лучшие сасанидские военные силы. В романе сохранена подробная историческая топография продвижения завоевателей-арабов и бегства шаха Йездигерда из столицы: «Одним из правителей, которые в течение долгого времени оказывали сопротивление арабам, был правитель Фарса Шахрак. Оповестив население о приближении арабов, он наряду с регулярным войском призвал в ряды защитников и жителей. Арабы в это время захватили Истахр и начали выдвигаться в сторону Фарса. Ширак со своей армией вышел им навстречу. Вспыхнуло сражение, воздух потемнел от пыли, и стороны не могли различать, где свой, а где чужой. И убивали своих же» (*Сан'ати-заде*, 1925; т. 2: 113).

⁹ Ктесифон — один из крупнейших городов поздней Античности, агломерация площадью 30 кв. км. Столица Парфянского государства, а затем империи Сасанидов.

¹⁰ Халиф Омар (правил в 634–644 гг.), с именем которого связано завоевание арабами иранского государства.

Сын Йездигерда Хормозан¹¹ оказался втянутым в сети маздакитского заговора под влиянием юной Афтаб, в которую влюблен. Однако вскоре он порывает с заговорщиками. Его возлюбленная не может примириться с мыслью, что ее избранник — предатель, и кончает жизнь самоубийством. Трагическая любовь, не приемлющая недостойный выбор, становится одной из пружин романной интриги.

В поисках смерти, которая соединит его с Афтаб, Хормозан совершает акт обреченной и безрассудной храбрости и убивает халифа, мстя ему за гибель иранской державы. Заканчивается роман казнью Хормозана.

Произведение разбито на тридцать четыре главы, название которых призвано подогреть читательский интерес: «Подземелье и люди в черном», «Десница мести», «Покушение», «Отрезанная голова» и т. д. Место действия в каждой главе меняется, формируя новую сюжетную ситуацию и повышая динамичность повествования. Вместе с ситуациями меняются и типы связей между ними (временная, логическая и ассоциативная), сюжетные линии приобретают зигзагообразный характер, нарушая, в соответствии с замыслом писателя, плавное течение сюжета.

Главным героем, действующим на протяжении всего романного времени, присутствие которого заявлено в большинстве сюжетных ситуаций, является вождь маздакитов Махой. Он обладает всем набором качеств, свойственных персонажам героического типа и позволяющих ему преодолевать все мыслимые преграды на своем пути: удачливость и смелость, верность клятве чести, готовность к самопожертвованию.

Подобный образ бесстрашного тираноборца хорошо знаком иранскому читателю по эпосе Фирдоуси «Шах-наме» (X в.), которая в течение веков формировала культурный код иранцев и сохраняет свое значение и доныне¹².

¹¹ Образ шахского сына Хормозана отсылает к реальному историческому лицу — наследнику иранского престола Каваду, который склонялся к поддержке маздакитов в политических целях, но затем жестоко расправился с Маздаком.

¹² По словам современной иранской писательницы Азар Нафиси, «Рустам, Тахмине, Сейаваш, Бижан и другие персонажи рассказов Фирдоуси стали нашими братьями и сестрами, кузенами и соседями» (цит. по: [Лахути: 66]).

Вместе с тем в Махое легко обнаруживаются такие типовые черты романтического героя-одиночки, пришедшего из европейской литературы, как исключительность и гиперболизм страстей¹³. Это не знающий преград беспощадный мститель, судья и палач одновременно, сам формирующий кодекс возмездия, на основании которого он и действует. Субъективно-эмоциональная мотивировка побудительных причин поступков Махоя является одним из легко узнаваемых признаков романтической парадигмы: как Эдмон Дантес мог не стать графом Монте-Кристо, так и Махой мог не сделать месть смыслом своей жизни, если бы не личные причины.

Писатель помещает своего героя в действие, изобилующее всевозможными опасностями: это поединки, преследования, покушения на его жизнь, то есть в романе представлен весь репертуар событийных перипетий, свойственных авантюрному сюжету. Однако на этом стремительно меняющемся фоне сам герой эмоционально и психологически статичен.

Если в первом романе Сан'ати-заде речь идет о трагедии крушения царства Сасанидов, то во втором писатель обращается к сюжету из эпохи его становления. «Книга о Мани-художнике»¹⁴ (1926) — это историко-биографический роман о Мани (III в.), основоположнике синкретического религиозного учения, названного его именем и получившего в средневековье широкое распространение от Атлантического побережья до Туркестана. Считается, что сочинения пророка новой веры, который был замечательным каллиграфом и художником, имели ценность как произведения не только религиозно-философской мысли, но и искусства. Неумолимый миссионер, Мани провел большую часть жизни в путешествиях: охранные грамоты покровительствовавшего ему шаха Шапура I¹⁵ давали возможность пересекать огромную Сасанидскую империю от начала ее границ с Римом до Китая.

¹³ О поэтике романтизма см., напр.: [Ванслов], [Джибладзе], [Ильинская], [Канунова], [Манн].

¹⁴ Сан'ати-заде Кермани А. Книга о Мани-художнике. Тегеран, 1926 (на перс. яз.). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Сан'ати-заде, 1926* и указанием страницы в круглых скобках.

¹⁵ Шапур I — шахиншах Ирана из династии Сасанидов, правил в 240–271 г. и вел успешные войны с Римом.

Сан'ати-заде изображает эпоху царствования Шапура I в двух измерениях: как время территориального расширения иранского мира, представленное через войны Ирана с Римом, и время появления новой духовности, которой суждено выйти за пределы этого привычного мира. Триумфальная победа Шапура I и пленение императора Валериана стали самым ярким эпизодом длительного военного противостояния двух империй¹⁶. Однако собственно военные события остаются в романе за рамками текста, а на первый план выдвигаются взаимоотношения двух государей, обрисованные по законам приключенческого жанра в его фантазмагорическом выражении: тут и подмена Шапура двойником; и гендерное переодевание, частотное для сюжетов, разворачивающихся в условном средневековье; и сонный напиток, которому отведена своя роль в интриге.

Такой же приключенческий колорит присутствует в отношениях Мани и Шапура, которые расцвечены поисками Мани сокрытого таинственного клада, с помощью которого шах обретет непобедимость. Мани постоянно находится в движении, однако читатель практически не видит окружающего пространства его глазами. Реальным странствиям Мани придается мистический характер, так как его фигура, подобно другим великим пророкам, окутана в романе ореолом сакральности. Это приближение к некоей заветной истине или высокому нравственному императиву, доступное лишь избранным, согласным превозмочь выпавшие на их долю испытания. Одолевая многие тяготы, герой становится избранником, которому старцы-отшельники доверяют тайну сокровищ иерусалимского храма Иеговы, в течение многих веков сокрытых в горах Туркестана¹⁷.

¹⁶ Пленение Валериана увековечено в Иране на гигантском наскальном барельефе в археологической зоне Накше-Рустам неподалеку от руин древней столицы Персеполь.

¹⁷ Клад, охраняемый старцами-отшельниками, сопоставим с символическим образом ковчега, рисуемого знаменитым ливанским прозаиком Михаилом Нуайме (1889–1988) в романтической части его «Книги о Мирдаде» (1949). По завету Ноя на вершине горы построен храм в виде ковчега, охраняемый жрецами-аскетами. С течением времени завет Ноя забывается, и тогда в храме появляется Мирдад, объясняет священникам их

Вынесенное в заглавие книги имя героя определенно указывает на Мани как на организующее начало повествовательной системы романа. Невзирая на акцентированную остросюжетность, писатель считает необходимым познакомить читателя с направлением духовного поиска пророка, учение которого претендует на универсальность и воплощение мудрости мира:

«Моисей выступил против тиранов, чтобы отомстить за поработанных, Иисус хотел привить людям любовь и милосердие, Заратуштра направил людей на путь стараний, труда и войны с демонами. А теперь я последую за ними и сделаю людей счастливыми... Моя новая вера не только для иранцев, она для всех людей» (*Сан'ати-заде*, 1926: 41–42).

Воссоздавая общий рисунок проповеднической деятельности Мани, писатель называет несколько книг, которые действительно входят в канон манихейства — это ныне утраченные, но известные как принадлежащие перу пророка «Книга тайн», «Сокровищница жизни», «Книга о дэвах» и «Книга указаний»¹⁸.

Финал истории Мани исполнен внутреннего трагизма. Тщеславный шах тем не менее не в состоянии оценить дара, преподнесенного ему пророком, что расширяет сюжетный уровень романа за счет философско-символического прочтения.

Холсты и краски исторического романиста

Столь различные по сюжету романы Сан'ати-заде Кермани построены на основе схожих повествовательных техник. Остросюжетные фабульные мотивы, базирующиеся на разнообразных коллизиях во взаимоотношениях действующих лиц, реализуются при помощи соответствующих приемов, повышающих занимательность повествования, а вслед за этим и эмоциональную заинтересованность читателя. К ним, без сомнения, могут быть отнесены широко распространенные заблуждения, тем самым спасая ковчег, символизирующий веру и истинные ценности.

¹⁸ В начале XX в. в Синьцзяне (Восточном Туркестане) были обнаружены многочисленные фрагменты манихейских рукописей, известные как Турфанская библиотека. Среди находок — части «Шапуракан», единственного сочинения Мани на среднеперсидском языке, адресованного лично шаху Шапуру I.

в романтическом арсенале средств приемы вторжения в повествование различного рода случайностей или получение непредвиденных сведений, вносящих в сюжет внезапный поворот. Так, основополагающую роль в завязке романа о маздакитах сыграл случай, который помог шаху Йездигерду узнать о существовании в столице тайной организации: он оказывается невольным свидетелем встречи заговорщиков, проследив, куда под покровом ночи пробирается его сын Хормозан. Случай же избавляет и повстанцев от неминуемого разоблачения, давая автору возможность продолжать нить повествования, усложняя заявленную интригу.

Широко распространен в романах Сан'ати-заде прием символических предварений. Являющийся неизменным инструментом воссоздания так называемого средневекового колорита, он отсылает читателя-иранца к собственной классической литературной традиции. Начало «Мстителей за Маздака» целиком построено на цепочке следующих одно за другим предсказаний, определяющих судьбу державы и самого Йездигерда, которому суждено стать последним Сасанидом на иранском престоле. Заявленные в разнообразных воплощениях, предварения могут фигурировать в форме истолкованных мудрецами вещей снов, предсказаний астрологов или обнаруженных в древних рукописях пророчеств.

Особую роль предварение в форме вещего сна играет в романе о Мани. При помощи этого мотива определяется выбор жизненного предназначения героя — «покой и умиротворение» или «усилие, дарующее счастье». Следование второму пути открывает Мани тайну бытия и превращает его в наделенного особой миссией избранника¹⁹.

В романах умело создается атмосфера необычности, таинственности и тревожности происходящего посредством таких

---

¹⁹ Вообще же мотив сновидения — один из излюбленных в творческом арсенале Сан'ати-заде. Писавший исключительно в жанре исторического романа, он лишь единожды обратился к утопии. Сюжет его романа «Собрание умалишенных» (*Маджма'-е диванеган*) (1925) полностью построен на сновидении. Фантазмагоричность утопии доведена здесь до возможного предела: немой обретает речь, а сумасшедшие превращаются в провидцев, которым даровано знание об обществе будущего, где царит правда и закон. Однако их грезы прерывают подросшие надзиратели, и они вновь оказываются в настоящем.

испытанных аксессуаров романтической поэтики как темная ночь, руины, подземелье, потайной ход и т. д. Действия, сопряженные со злодеянием, разворачиваются на «мрачном» фоне, усиленном гиперболизированными приметамы ночного пейзажа — это непроглядная тьма, густые облака, сквозь которые пробивается скудный лунный свет или блеск молнии, ураганный ветер, а то и буря. Так, действие одного из самых напряженных эпизодов «Мстителей» разворачивается «в ужасном ущелье, где устраивали свои засады разбойники. Узкая тропа пролегла по его середине, нависающие с двух сторон горные склоны делали его еще более мрачным. В ту ночь, когда там произошли события, относящиеся к нашей истории, погода вдруг резко изменилась: стал дуть сильный ветер, разразилась буря, слышались раскаты грома, небо мгновенно потемнело. В эту пору, когда редко бы кто отважился пройти по ущелью, по каменистой тропе гнал свою лошадь всадник. В блеске молнии стало понятно, что он очень юн. Одиночество и буря страшшили его, хотя при дворе он считался одним из самых храбрых. Когда ветер и гром затихали, ему на память приходили некоторые рассказы об этом ущелье, и ужас его все возрастал. Он боялся, что в следующее мгновение тучи стугаются, ливень усилится, и он заблудится, а значит — погибнет» (*Сан'ати-заде*, 1925; т. 2: 34–35). Далее писатель еще больше пугает читателя: внезапно конь заржал и начал пятиться, и всадник видит на земле обезглавленное тело.

Увлеченность Сан'ати-заде острым действием не мешает ему воздавать должное воспроизведению реалий описываемой эпохи, открытому европейскими писателями-романтиками. Перечень артефактов весьма ожидаем, так как включает непосредственно ассоциируемые с Сасанидами символы величия империи. К ним относится одно из воплощений сасанидской державности — так называемое знамя Кайанидов²⁰, создание которого приписывалось легендарному тираноборцу кузнецу Каве, герою национального эпоса «Шах-наме». Обильно украшенный леопардовыми шкурами и драгоценными камнями

---

²⁰ Сасаниды возводили свой род к правителям легендарной Кайанидской династии, один из царей которой, Кай-Виштасп, первым принял зороастрийскую веру.

кожаный передник кузнеца почитался иранцами как святыня [Колесников: 95]. Описывает автор и прославленный Весенний ковер иранских шахов:

«Поле Весеннего ковра длиной в триста локтей и шириной в шестьдесят (то есть более 700 кв. м. — А. А., Т. К.) было из золототканого шелка, а узор — сад с клумбами и ручьями — расшит драгоценными камнями. Камешки на дне ручьев тоже были из драгоценностей. Зимой сасанидские шахи расстилали этот ковер и наслаждались красотой весеннего пейзажа» (*Сан'ати-заде, 1925; т. 2: 79–80*).

По сообщениям хронистов, после захвата иранской столицы арабами чудо-ковер был разрублен на куски и поделен между военачальниками как знак военного триумфа. Погибла в огне и богатая шахская библиотека, лишь «крики и разноцветные языки пламени взвились в небо» (*Сан'ати-заде, 1925; т. 2: 95*) как свидетельство о невозполнимой утрате. Опустел и известный по средневековым арабским и иранским хроникам грандиозный Белый дворец, величественные фрагменты которого сохраняются и поныне. Выстроенный из белого мрамора, он неизменно вызывал всеобщее восхищение своей высотой и мощью, а также изяществом внутреннего убранства:

«В зале, предназначенном для тронных церемоний и пребывания царя царей, министров и сановников, взоры входящих устремлялись на огромный трон из сандалового дерева и слоновой кости, инкрустированный изумрудами и прочими драгоценными камнями» (*Сан'ати-заде, 1925; т. 1: 4*)²¹.

Автор находится в постоянном диалоге со своим читателем-современником, помогая ему сориентироваться в большой событийной нагрузке романа, и выступает в роли резонера, дающего оценку и историческим событиям, и персонажам своего повествования, реальным и вымышленным. В книгах повсеместно присутствует прямое общение повествователя с читателем: «как мы знаем», «я расскажу уважаемым читателям», «читатели с удивлением подумают, что мы забыли»,

²¹ Белый дворец, воплощавший могущество и величие имперского Ирана, был взят за образец архитектурного проекта при возведении здания Музея древнего Ирана во время фундаментальной реконструкции иранской столицы в 1930-е гг.

«если мы помним» и т. д. Описывая в «Мстителях» последние сражения с арабами, автор-повествователь восклицает:

«Похоже, стали исчезать смельчаки, не осталось и следа от воинов-героев. Огонь насилия арабов обрек на небытие страну прославленного Кай-Хосрова. Поэты-панегиристы, перевозившие великих иранских государей, развязали языки для восхваления арабских военачальников, не произнося более имен своих властелинов. Да, такова судьба, и нередко среди людей подобная забывчивость!» (*Сан'ати-заде*, 1925; т. 2: 114).

Заключение

Начало XX в. в Иране отмечено кардинальными переменами в политической и социокультурной сферах жизни общества. Что же касается литературного творчества, то здесь новая эпоха заявила о себе появлением современных жанров как в прозе, так и в поэзии. Наиболее значительным событием, безусловно, является рождение романа в двух его разновидностях — социального и исторического. К этому времени сформировалась когорта европейски образованной молодой интеллигенции — журналистов, поэтов и писателей, традиционно именуемых в Иране «людьми пера», которые были в состоянии соответствовать политической повестке дня. К ним принадлежал и Сан'ати-заде, в ранней молодости примкнувший к реформаторскому движению.

Начав свою литературную карьеру в одном из популярных журналов, специализировавшихся на политике, он к тридцатилетнему возрасту был автором трех нашумевших романов. Новое содержание литературы ставило перед писателями, независимо от их тематических предпочтений, и новую задачу — поиск художественной формы, адекватной проблематике, созвучной современности. Для автора исторического романа этот выбор оказался очевиден, учитывая популярность в Иране переводных произведений французского историко-приключенческого жанра. Следование европейскому образцу означало не отказ от привычной стилистики повествовательной прозы «народного романа», но лишь дозированное ее использование в широких рамках романтической поэтики.

В дальнейшем развитие жанра исторического романа пойдет по пути накопления слагаемых реалистического метода, что нашло отражение в последнем романе Сан'ати-заде «Надир — покоритель Дели» (1957), посвященном жизнеописанию выдающегося правителя и «мирозавоевателя» XVIII в. Надир-шаха Афшара.

Список литературы

1. Ардашникова А. Н., Коняшкина Т. А. Два лика урбанизации на мусульманском Востоке: Тегеран второй половины XIX в. — 1930-х гг. // История. 2023. Т. 14. Вып. 10 (132) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840028603-2-1/> (16.06.2025). DOI: 10.18254/S207987840028603-2. EDN: HIRHWP
2. Ванслов В. В. Эстетика романтизма. М.: Искусство, 1966. 397 с.
3. Взаимодействие культур и литератур Востока и Запада / под ред. П. А. Гринцера, И. Д. Никифоровой. М.: Наука, 1992. Вып. 1. 219 с.
4. Гринцер П. А. Эпохи взаимодействия литератур Востока и Запада. М.: РГГУ, 1997. 51 с. (Сер.: Библиотека студента.)
5. Джибладзе Г. Н. Романтики и реалисты в грузинской литературе XIX века. Тбилиси: Литература и искусство, 1963. 428 с.
6. Ильинская Н. Г. Творчество И. И. Лажечникова и проблема русского исторического романа 1830-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1968. 422 с.
7. Историческая поэтика: литературные эпохи и типы художественного сознания / отв. ред. П. А. Гринцер. М.: Наследие, 1994. 512 с.
8. Канунова Ф. З. Эстетика русской романтической повести: А. М. Бестужев-Марлинский и романтики-беллетристы 20–30-х гг. XIX в. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. 307 с.
9. Колесников А. И. Завоевание Ирана арабами. Иран при «праведных» халифах. М.: Наука, 1982. 269 с.
10. Конрад Н. И. Запад и Восток: статьи. М.: Наука, 1966. 520 с.
11. Лахути Л. Г. Культурные коды иранской традиции (от «Шах-наме» Фирдоуси к маснави 'Аттара) // Вестник РГГУ. Сер.: Востоковедение. Африканистика. 2014. № 6 (128). С. 66–95 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21728811_82600076.pdf (16.06.2025). EDN: SHMUCZ
12. Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма. М.: Наука, 1976. 375 с.
13. Марр Ю. Н. О романе Хосрови «Шамс и Тогра» // Труды Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили. Сер.: Востоковедение. 1964. Т. 108. С. 205–217.
14. Bausani A. The Persians, from the Earliest Days to the Twentieth Century. New York: St. Martin's Press, 1971. 204 p.

15. Bayat M. *Iran's First Revolution: Shi'ism and the Constitutional Revolution of 1905–1909* (Studies in Middle Eastern History). New York; Oxford: Oxford University Press, 1991. 316 p.
16. Grigor T. Recultivating “Good Taste”: the Early Pahlavi Modernists and Their Society for National Heritage // *Iranian Studies*. 2004. Vol. 37. No. 1. P. 18–45. DOI: 10.1080/0021086042000232929
17. *The Making of Modern Iran: State and Society under Riza Shah, 1921–1941*. London; New York: Routledge, 2003. 279 p. (Ser.: Routledge Curzon / BIPS Persian Studies Series.)

References

1. Ardashnikova A. N., Konyashkina T. A. Two Faces of Urbanization in the Muslim East: Tehran in the Second Half of the 19th Century — 1930s. In: *Istoriya*, 2023, vol. 14, issue 10 (132). Available at: <https://history.jes.su/s207987840028603-2-1/> (accessed on June 16, 2025). DOI: 10.18254/S207987840028603-2. EDN: HIRHWP (In Russ.)
2. Vanslov V. V. *Estetika romantizma [Aesthetics of Romanticism]*. Moscow, Iskustvo Publ., 1966. 397 p. (In Russ.)
3. *Vzaimodeystvie kul'tur i literatur Vostoka i Zapada [Interaction of Cultures and Literatures of the East and West]*. Moscow, Nauka Publ., 1992, issue 1. 219 p. (In Russ.)
4. Grintser P. A. *Epokhi vzaimodeystviya literatur Vostoka i Zapada [Epochs of Interaction Between the Literatures of the East and West]*. Moscow, The Russian State University for the Humanities Publ., 1997. 51 p. (Ser.: Student Library.) (In Russ.)
5. Dzhibladze G. N. *Romantiki i realisty v gruzinskoj literature XIX veka [Romantics and Realists in Georgian Literature of the 19th Century]*. Tbilisi, Literatura i iskusstvo Publ., 1963. 428 p. (In Russ.)
6. Il'inskaya N. G. *Tvorchestvo I. I. Lazhechnikova i problema russkogo istoricheskogo romana 1830-kh godov: dis. ... kand. filol. nauk [The Works of I. I. Lazhechnikov and the Problem of the Russian Historical Novel of the 1830s. PhD. philol. sci. diss.]*. Leningrad, 1968. 422 p. (In Russ.)
7. *Istoricheskaya poetika: literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya [Historical Poetics: Literary Epochs and Types of Artistic Consciousness]*. Moscow, Nasledie Publ., 1994. 512 p. (In Russ.)
8. Kanunova F. Z. *Estetika russkoy romanticheskoy povesti: A. M. Bestuzhev-Marlinskiy i romantiki-belletristy 20–30-kh gg. XIX v. [Aesthetics of the Russian Romantic Novel: A. M. Bestuzhev-Marlinsky and the Romantic Writers of the 1820s and 1830s]*. Tomsk, Tomsk State University Publ., 1973. 307 p. (In Russ.)
9. Kolesnikov A. I. *Zavoevanie Irana arabami. Iran pri “pravednykh” khalifakh [The Conquest of Iran by the Arabs. Iran Under the “Righteous” Caliphs]*. Moscow, Nauka Publ., 1982. 269 p. (In Russ.)

10. Konrad N. I. *Zapad i Vostok: stat'i* [*The West and the East: Articles*]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 520 p. (In Russ.)
11. Lakhuti L. G. The Cultural Codes of the Iranian Tradition (from Ferdowsi's "Shahnameh" to 'Attar's Masnavi). In: *Vestnik RGGU. Seriya: Vostokovedenie. Afrikanistika* [RSUH / RGGU Bulletin. Series: Oriental and African Studies], 2014, no. 6 (128), pp. 66–95. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_21728811_82600076.pdf (accessed on June 16, 2025). EDN: SHMUCZ (In Russ.)
12. Mann Yu. V. *Poetika russkogo romantizma* [*Poetics of Russian Romanticism*]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 375 p. (In Russ.)
13. Marr Yu. N. About Khosrowy's Novel "Shams and Toghra". In: *Trudy Tbilisskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Iv. Dzhavakhishvili. Seriya: Vostokovedenie* [Proceedings of I. Javakhishvili Tbilisi State University. Series: Oriental Studies], 1964, vol. 108, pp. 205–217. (In Russ.)
14. Bausani A. *The Persians, from the Earliest Days to the Twentieth Century*. New York, St. Martin's Press Publ., 1971. 204 p. (In English)
15. Bayat M. *Iran's First Revolution: Shi'ism and the Constitutional Revolution of 1905–1909 (Studies in Middle Eastern History)*. New York, Oxford, Oxford University Press Publ., 1991. 316 p. (In English)
16. Grigor T. Recultivating "Good Taste": the Early Pahlavi Modernists and Their Society for National Heritage. In: *Iranian Studies*, 2004, vol. 37, no. 1, pp. 18–45. DOI: 10.1080/0021086042000232929 (In English)
17. *The Making of Modern Iran: State and Society under Riza Shah, 1921–1941*. London, New York, Routledge Publ., 2003. 279 p. (Ser.: Routledge Curzon / BIPS Persian Studies Series.) (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ардашникова Анна Наумовна, *Anna N. Ardashnikova*, PhD (Филологический факультет, кандидат филологических наук, доцент кафедры иранской филологии, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (ул. Моховая, 11, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 125009); ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7569-5794>; e-mail: anardash@mail.ru).

Коняшкина Тамара Александровна, *Tamara A. Konyashkina*, Senior Lecturer of the Department of History of the Near and Middle East, The Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (ul. Mokhovaya 11/1, Moscow, 125009, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9170-1803>; e-mail: tamara_mgu@mail.ru).

Поступила в редакцию / Received 19.06.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 08.08.2025

Принята к публикации / Accepted 10.08.2025

Дата публикации / Date of publication 08.09.2025